

Восторжествует ли "ПОЛНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВЕЩИ"?

Ролан Быков не нуждается в подробном представлении. Это имя известно не одному поколению кинозрителей. Известны его актерские и режиссерские работы, среди лучших - «Айболит-66», «Чучело». В жизни не «приспосабливался», за что и был гоним. Восемь лет не давали снимать на «Мосфильме», а в 56 лет все еще носил звание «Заслуженного артиста», которое присваивалось молодым и способным. Но не горевал из-за этого. Никогда не горевал, что за всю жизнь получил только одну медаль «За трудовую доблесть». Приравнял ее медали «За отвагу» и был очень доволен: солдатская медаль! Не горевал и оттого, что за границу не посылали. От кино не посылали, так сам ездил: то по линии профсоюзов, то от «Знания»... Был депутатом Верховного Совета СССР. Тогда же выступил с законодательной инициативой и сам разработал три стабилизирующих общества закона «О социалистической собственности», «О правах человека» и «О государственном служащем». Убежден, что сегодня они были бы так же актуальны для России, как были актуальны для Союза. В

настоящее время - президент Международного фонда развития кино и телевидения для детей и юношества (Фонд Ролана Быкова). Его цель - способствовать производству и прокату детских и юношеских фильмов. Помочь кинопроизводству уже удалось, вопрос проката Быков намерен решить в 1993 году.

Каким же видится Ролану Быкову современное состояние нашего общества и место художника в нем? (Окончание на 4-й стр.)

Восторжествует ли «ПОЛНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВЕЩИ»?

Ролан БЫКОВ

Мы переживаем очень трудное, особое время. Дело в том, что понятие «государство» в привычном для нас смысле: государство-наставник, государство-пастырь, государство-тюрьма, государство - гарант равенства, - уже не существует. Но оно живо внутри каждого из нас. В том числе и в людях, стоящих у власти. Они часто повторяют очень горькую, любопытную и смешную для меня фразу: «Надо накормить народ». Это говорят люди, которые накормить никого не могут. Они могут либо помочь, либо помешать народу накормить себя. Сегодня даже те функции государства, которые ранее были ему свойственны, во многом переключаются (и это здраво) на плечи отдельных его граждан. Однажды я понял, что никто не спасет детское кино, если не спасу его я, и организовал Международный фонд развития кино и телевидения для детей и юношества. А другой человек еще что-то организует, а третий - третья. Будут среди этих организаций и мыльные пузыри, но будут и очень серьезные. Сейчас куда бы я ни ехал, я слышу стук молотка. Люди строят дома. Для меня это как утреннее пение птиц, надежда на будущее.

Формула «особый путь России» мне не нравится. Нет страны, у которой не было бы особого пути. Нет человека, у которого не особый путь, и таракана такого нет. У меня есть даже стихи по этому поводу: «Я точно такой же, как вы, как всякий идущий прохожий, ни на кого не похожий, точно такой же, как вы».

Но я исповедую русскую идею. Есть миссия России. И это нужно понимать четко. Понимать смысл того, что слово «духовность» не переводится на другие языки. В общечеловеческой культурной интеграции это сыграет свою роль. Я знаю, что крести в Православии. Если в католической Библии сказано, что «Бог создал человека по подобию своему», то в нашей Библии «по образу и подобию своему». Ибо есть разница между образом и подобием. Человек подобен другому, как животное. Но он духовное существо, и у него есть образ. Как замечательно: образ человека. Сбраз - икона. Какое мерцание смысла, его оттенков и внутренних связей! Именно в этом смысле я исповедую русскую идею и думаю, что для мира, мировой культуры, интеграции важны не только наши запасы пресной воды, но и запасы духовности России, ее культуры, особого рода взаимоотношений, особой роли, которая в сознании русского человека предназначена страданию. Страдание как очищение. Я не за страдания, отнюдь. Но жизнь - во многом страдание. Любая болезнь - страдание, несчастная любовь - страдание. Даже частушки у нас называются «страданиями». Нужно еще понять смысл этого.

Спор западников и славянофилов для меня решен Гоголем. Славянофилы его назначали в славянофилы, а западники хотели сделать западником. Между прочим, книга И.Золотусского о Гоголе дает новую концепцию письма Белинского и ответа Гоголя. Мне попалось издание, где есть черновики гоголевского письма. Первая фраза, которую он написал и зачеркнул, была: «Как смеешь ты, не написавший ни строчки...» Вот каково было отношение Николая Васильевича! Но ответил он мирно и благородно: «Надо иметь полный взгляд на вещи».

Я ненавижу любую тенденциозность. Ни-

когда не боялся и не боюсь слов. Меня не пугает слово «коммунизм», для меня не монета на все времена слово «демократия». Я хотел бы иметь полный взгляд на вещи. И хочу знать: что это значит у вас в устах? Чего вы хотите-то? Мальчиков будут убивать после этого или нет? Это у меня первый вопрос. Если мальчиков будут убивать - не договоримся.

У Гюго есть такая мысль, что самая страшная тирания - это тирания идеи. Будь то даже идея свободы. «Надо иметь полный взгляд на вещи». Для меня эти слова Гоголя - формула подхода. Потому что если бы, например, эпикурейцы понимали, что в чем-то правы пуритане, а пуритане понимали, что в чем-то правы эпикурейцы, то оба течения не погибли бы. Они погибли как односторонние, тенденциозные.

Но вот в связи с этим мне кажется очень важным опыт работы над фильмом «Серые волки (Н.С.Хрущев. Осень 64-го. Заговор)», где я сыграл главную роль. Это был для меня большой урок. Я влепыев понял, что область политики может быть очень близка к криминальной. Я должен был бы понять это раньше, хотя бы потому, что существует такой жанр, как политический детектив. Однако осознал это только сейчас, вгрызаясь в роль Хрущева, узнавая истинную роль Микояна и других сподвижников... Это суровое дело. В фильм даже не вошло все, что мы узнали. Авторы то ли побоялись, то ли не захотели оказаться в гуще сегодняшней политики, а потому многое, что особенно затрагивало сегодняшний день, даже не вошло в картину, быть может, в ущерб той самой «полноте взгляда на вещи». Авторы можно понять: если бы, стремясь к полноте, мы не делали купюр, мы бы невольно стали участниками конкретной политической борьбы, причем в очень рискованной позиции.

Как художник я ныне испытываю чувство потери. Прежде всего я имею в виду сегодняшнюю потерю зрителя. Мы очень примитивно оцениваем предшествующие семьдесят три года. В восемнадцатом году мы хотели выбросить всю культуру, которая была до революции. Не получилось. В 1991 - 1992 годах пытались сделать то же самое. Отбрасывать культуру вместе с политикой, вместе с ГУЛАГом - безумие. ГУЛАГ - мерзость, ужас, проклятие, страдания, но в то же время 300 млн. людей что-то делали, как-то жили...

В 1915 году В.Розанов писал, что вера рухнула и в эту яму провалилось все. Разрыв интеллигенции с церковью начался еще в XIX веке. И то, что наши искусство и культура стали для многих «церковью», а лучшие произведения - «пасторством», - это факт. Недавно мы провели фестиваль

фильмов шестидесятых годов. Показали их молодежи, учителям. Ленты 60-х годов - это своего рода душеслужение, благородствослужение. Сейчас этого нет.

Я не понимаю, почему стало так не важно самое важное для человека: любовь, мать, отец, ребенок... жизнь. Для меня это никогда не было мелкой темой. Надо сознательно подходить к тому, что происходило. У народа отобрали религию, но религиозное чувство отобрать не могли, хотя заместо Библии он читал другие книги, в которых - в большинстве из них - проповедовались честь, совесть и «не убий»...

Я все хочу спросить, когда говорят о тех временах: а птицы при Сталине летали или тоже не могли? Но были же и птицы, и мы с вами, были же любовь, счастье, дружба, труд и достижения. Если действительно то сумасшедшее пианино, которым вообразила себя наша политика, и есть вся жизнь, то тогда это болезнь массового сознания. Ей-Богу, политика важна и нужна только в той мере, в которой она помогает или мешает людям жить.

И, наконец, - печалит меня очень серьезная и непривычная вещь - разобщенность. Я собрал на фестивале шестидесятников.

Потом один звонит мне и говорит: ты знаешь, какое счастье, что я пришел. Я себя больше не чувствую одиноким. А мне казалось, что я от этого сейчас умру. Если наших детей поразила трагедия Маугли, то наше поколение - трагедия короля Лира, Одиночество.

К слову, Союз кинематографистов сохранился, но формально. Российский - отдельно, московский - отдельно, литературный - отдельно. Люди заняты дележкой собственности. А ведь это безумие!

Собственно говоря, сепаратизация - это доступ к телу мертвой социалистической собственности. И то, что сейчас у нас происходит в стране, произошло в финале фильма «Сатириконт» Феллини, когда раскопали гробницу фараона, завещавшего все свои богатства тому, кто съест его труп. Все возмущаются, возмущаются этим проклятым фараоном, камера отъезжает, мы слышим хруст на зубах. Так и у нас. А ведь это же общественная собственность, а не ничейная. Она принадлежит и тем, кто живет, и тем, кто умер. А тем, кто придет, что останется? Или они свой союз будут организовывать?

Сейчас на первые деньги, которые у меня будут, я сделаю Дом для творческой молодежи. Потому что где-то ребята должны вечерами собираться и, слегка подвыпив, объявлять друг друга гениями... И еще я буду давать зал для премьер бесплатно.

Вот что важно, а в слова «потерянное поколение» я не верю. Ребенок очень прочно устроен. У него есть мощные механиз-

мы адаптации. Страшно, когда не в моде добро, благородство. Когда мне в глаза говорят, что сегодня порядочный человек - это импотент. А навязывается та мода, которая нам не свойственна, да и вообще не свойственна человеку.

Ведь для русского мышления прославление «золотого тельца» не свойственно. У нас не было Драйзера, книг «Гений» и «Финансист», не было ни Бальзака, ни Фолкнера, не было этого направления в литературе. У нас, если Мамин-Сибиряк «Золото» - то все бандить, если «Угрюм-река» Шишкова, то волки, если «Дело Артамоновых» Горького, то полное вырождение. Если обратиться к фольклору, то фантастический образ в русской былине появляется там, где вопрос касается богатства. Садко - богатый гость. Откуда деньги? Со дна морского. Там морской царь, царевна, гусли, словом, дальше уже идет фантазия...

И сегодня торжество нуворишей - явление еременное. Страшно другое. То, что я назвал бы довольно резко - шизофренизацией детства. Без любви к своей родине ребенок может вырасти психически неполноценным. А это вполне вероятно, поскольку его день и ночь убеждают в том, что Россия - это выгребная яма. Мой младший сын, зайдя в дом, включает свет и выключает телевизор. Страшно, когда ребенок начинает понимать, что нет справедливости на земле, и за нее нельзя побороться; что негодный путь - это единственно реальный путь - вот где ужас! Страшно, что ребенок небезопасно сегодня на улице: его могут убить, изнасиловать, раздеть. А самое страшное, если мальчиков заставят убивать друг друга. За это не будет нам прощения ни на этом, ни на том свете.

Как же можно противостоять этому? И что сделал и делаю я?

Я сыграл эпизод в азербайджанском фильме, сыграл Хрущева, я сыграл во французском фильме, снимаемом в немецком, поставил короткометражную картину «Люба». Конечно, этого мало. В том, что мне предлагается - а предлагается очень много, чуть ли не каждые две недели роль, - я не хочу играть. В том, что я сейчас написал, буду играть. А написал я несколько сценариев. «Приключение Васи Куролесова», где сыграю одну из главных ролей - старого вора, у которого есть кредо: «Раньше ты украл, а он ловит тебя. У тебя ж кровь полируется! У тебя ж растет к себе уважение! Ты один, а их там целая организация. А сейчас? Ты думаешь, что он ловит тебя, а он норовит в долю войти». Такой разочарованный вор, который решил, что теперь надо воровать с размахом и фантазией.

Написал я сценарий «Трущобная кошка» по Сетону-Томпсону и должен вам сказать, что совершенно увлечен своим замыслом. Представляю себе фильм о жизни как таковой. Это будет живая кошка, ничем не одухотворенная. Просто история кошки о том, как она родилась, как выжила, как родила котят, как котят погибли, как убили ее кота, как она заняла его место - вора и бандита в своем переулке, как возвысилась в жизни и ела уже из золота и серебра, а потом все бросила и вернулась в родные места. Все о жизни как таковой. И здесь, мне кажется, должен торжествовать самый полный взгляд на вещи. Написал я и сказку про дочь болотного царя. Очень бы хотел ее поставить. Для меня это принципиально - создание новой формулы фильма. Я хотел «поженить» американский фильм на нашем фольклоре, на русской сказке. Но оказалось, что у сказки генетический код более прочный. Сказка победила.

Записала Татьяна СЕМАШКО.